

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62
К33

Кейнс, Джон Мейнард.

К33 Впечатления о Советской России. Должно ли государство управлять экономикой / Джон Кейнс ; [пер. с англ. Э. Лаврик]. – Москва : Алгоритм, 2015. – 224 с. – (Советское чудо. Взгляд с Запада).

ISBN 978-5-906798-59-6

Дж. Кейнс – известный английский экономист, основатель нового направления в политэкономии. Кейнс посетил Советский Союз трижды – в 1925, 1928 и 1936 годах. Во время первой поездки он даже принял участие в праздновании 200-летия Российской академии наук.

В своей книге, критикуя большевизм за чрезмерную жесткость и следование марксистским догмам, он все же видит в нем силу, способную сконструировать новую систему, осуждающую личное обогащение и наполняющую общество новой религией – «новой верой». Кейнс подробно пишет обо всех достоинствах и недостатках советской экономической модели.

Книга дополнена другими работами Кейнса, в которых он развивает свою теорию о государственном регулировании экономики.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-906798-59-6

© Кейнс Дж. (Keynes J.), правообладатели, 2015
© Перевод с английского. Э. Лаврик, 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

В блестящей плеяде ученых-экономистов, создавших и обогативших экономическую теорию, Дж. Кейнс занимает особое место наряду с другими ее наиболее выдающимися классиками — Адамом Смитом и Карлом Марксом. Если основатель этой науки А. Смит объяснил рыночную конкуренцию с точки зрения трудовой стоимости, то К. Марксу принадлежит заслуга раскрытия анатомии капитализма путем анализа стоимости и прибавочной стоимости. Спустя без малого сто лет Дж. Кейнс совершил новую революцию в экономической теории — доказал возможность регулируемого развития капитализма.

К сожалению, в неоклассических учебниках об этом вкладе Кейнса в лучшем случае только упоминается — без раскрытия содержания самого регулирования. Основной же упор кейнсианской трактовки капитализма перенесен на показ рыночного определения спроса. Кейнсианство трактуется не как теория занятости, производства и совокупного спроса, как это делал сам Кейнс, а как управление спросом в духе монетаристской теории обмена, спроса и предложения.

Операция по переделке наследия Кейнса при активном участии Пола Самуэльсона и с его же легкой руки получила название «неоклассического синтеза». Удаление критической направленности кейнсианства и его трактовка в

духе неоклассической ортодоксии были призваны примирить одно с другим и изолировать подлинных последователей Кейнса, представив их научной общественности и остальному миру как малозначимую секту непримиримых.

В третьем издании своего учебника П. Самуэльсон писал: «В последние годы 90% американских экономистов уже не делятся на «кейнсианцев» и «антикейнсианцев». Вместо этого они стремятся соединить все ценное из старой экономической теории и новых теорий определения дохода. Результат этого синтеза, который можно назвать неоклассической теорией, принимается в общих чертах всеми, за исключением примерно пяти процентов крайне левых и столько же крайне правых».

Авторы другого учебника «Экономикс», Баумоль и Блиндер, пошли еще дальше. Они пишут: «Отличия между кейнсианцами и монетаристами сильно преувеличены в средствах массовой информации. Если же взять основы этих экономических теорий, — утверждают они, — то едва ли есть разница между ними» (Baumol and Blinder, 1982, p. 264). Если это так и кейнсианство и монетаризм тождественны, то зачем иметь разные названия одного и того же?

Между тем это не одно и то же, и по крайней мере Самуэльсон это признает. Под «новыми теориями определения доходов» он имел в виду то, что было взято у Кейнса для переделки в духе новых потребностей свободной экспансии капитала. При этом ортодоксия также внесла в свою прежнюю теорию ряд кейнсианских поправок, в частности признала необходимость определенных функций государства в области денежной и бюджетной политики. О. Бланшар по этому поводу пишет: «В отличие от прежней неоклассической теории новый синтез не предполагал полной занятости в условиях *laissez-faire*, однако считалось, что при правильной денежной и бюджетной политике старые классические истины вновь станут актуальными».

Многие современные последователи Кейнса не были согласны с таким искажением его теории и называют это «ублюдочным кейнсианством» (*bastard Keynesian*). Так посткейнсианцы называют такое кейнсианство, из которого удалено присущее Кейнсу критическое отношение к капитализму *laissez-faire* и к господствовавшей тогда и поныне в западном мире неоклассической ортодоксии в виде ее крайне правого крыла — монетаризма, связанного с именами Мизеса, Хайека и Фридмена.

При этом без должного внимания остался тот факт, что в течение четверти века после Второй мировой войны кейнсианские рецепты, даже в ограниченном варианте неоклассического синтеза, оправдали себя тем, что обеспечили западным странам и Японии высокие темпы экономического роста при отсутствии или минимуме безработицы. Однако со временем даже такое кейнсианство утратило ценность для жаждущей свободы экспансии и производства капитала. Кейнсианские рецепты годились для развития национальной экономики, но не для осуществления такой активной внешней экспансии, которая в эпоху глобализации, как будет показано далее, стала сулить транснациональным корпорациям наибольшие выгоды. В новой ситуации капитал требовал освобождения от кейнсианской узды регулирования и выхода на такой простор, где бы мог творить все, что ему угодно.

Иначе говоря, «рейганомика» и «тэтчеризм» требовались капиталу задолго до того, как глашатаи политики неограниченной свободы сами появились у руля США и Великобритании. Теоретическую почву принятия этой политики готовили путем отказа от кейнсианских положений даже в том «ублюдочном» виде, в каком их толковал неоклассический синтез.

Здесь-то стала ясна несостоятельность приведенного выше процентного подхода Самуэльсона к определе-

нию ценности научного направления. Значение имеет не процент сторонников или противников той или иной концепции, а его соответствие или несоответствие реальности современной экономики. С этой точки зрения первоначальное кейнсианство, не подвергнутое переделке и противостоящее неоклассическому синтезу, а тем более монетаризму, представляется нам более адекватным отражением современной реальности, в особенности того, что происходит в постсоветских государствах, где сложилась модель капитализма, глубоко отличная от западной.

* * *

Кейнс не оставил каких-либо определенных признаков относительно эволюции своих взглядов и того, каким путем он пришел к своим конечным выводам. Однако чтение его произведений с учетом условий и этапов его жизненного пути проливает свет на все это. С молодых лет Кейнс принадлежал к образовавшейся в самом начале XX века так называемой Блумбергской группе писателей, художников и ученых, занявших заметное место в интеллектуальной истории Англии. Плоть от плоти они были представителями английской аристократии, и по статусу им было положено быть выразителями ее интересов. Однако по своему интеллекту они возвышались над ней и видели много больше представителей своей среды, а потому в критическом осмыслении окружавшей действительности они усматривали основной смысл своей творческой деятельности. Они осуждали ханжество и лицемерие викторианского времени и пытались оценить нынешнее и будущее положение своей страны перед лицом реалий наступившего времени.

Этот критический дух был присущ также Кейнсу, и он сохранил его до конца своей жизни, за исключением од-

ного сравнительно короткого периода. В отличие от других своих соclubников, Кейнс не осудил разразившуюся в свое время Первую мировую войну как империалистическую с обеих сторон, а наоборот, пошел служить в палату казначейства (министерства финансов) и возглавил отдел финансирования военных расходов. Но нет худа без добра. Пребывание на таком ключевом посту позволило Кейнсу лучше понять подноготную ведения войны, и в итоге он встал на позиции решительного осуждения насильственных способов решения проблем как несправедливых и недальновидных.

Это ясно проявилось во время Парижской мирной конференции 1919 года по итогам Первой мировой войны, когда Кейнс в роли эксперта входил в состав английской делегации. В знак несогласия с проектом послевоенного устройства, в котором победители навязывали побежденным мир с миной, чреватой новым вселенским взрывом, Кейнс покинул конференцию и свою позицию изложил во вскоре вышедшей книге «Экономические последствия Версальского договора».

Эту книгу, принесшую ее автору широкую международную известность, надо рассматривать как показатель особой проницательности Кейнса, способности видеть то, что не видят другие. В то время главы держав-победителей — Англии, Франции, Италии и США — решили воспользоваться своим положением, чтобы исключить революционную Россию из решения европейских дел, а с побежденной Германией содрать как можно больше репараций. Кейнс отчетливо указал на близорукость такой дискриминационной и алчной политики. Если мы, писал он, «сознательно будем стремиться к истощению Центральной Европы, то я предсказываю, что отмщение не заставит себя долго ждать». Вскоре так и случилось. Несправедливости Версальского мира, породившие недовольство немецкого

населения, вскормили гитлеровский нацизм, принесший миру неисчислимые страдания.

В указанной книге Кейнс показал, что истоками его особого видения стали события его времени. Разразившаяся на его глазах Первая мировая война, последовавшая за ней и потрясшая всю Европу русская революция и неспособность стран-победителей понять подлинные причины, породившие войны и революции, а затем их возможные последствия повергли Кейнса в глубокое смятение. Последовавшая за ними в конце 20-х годов Великая депрессия еще больше усилила его потрясение. При рассмотрении великих произведений эпохи, в особенности в области экономической теории, фактор личной драмы автора обычно не принимается во внимание и все сводится к его таланту. Но ведь авторы тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо, в том числе беспокойство за судьбу системы, в которой живут. Кейнс жил в эпоху потрясавших мир событий, смысл которых захватил его целиком. Его кипучая деятельность и неимоверные интеллектуальные усилия, вершиной которых стала Общая теория занятости, процента и денег, является еще одним свидетельством того, что великие идеи не возникают на пустом месте. Они оказываются под силу тому, кто воспринимает драму эпохи как личную драму. Хотя и по-разному: Маркс с намерением низвергнуть капитализм, а Кейнс — улучшить его, но оба с большей остротой и глубиной, чем другие, принимали к сердцу несправедливости общества, в котором они жили. Это особое восприятие реальности придавало им ту остроту зрения, благодаря которой они были способны видеть то, что не было видно другим.

Особая, никому другому не свойственная в западном истеблишменте способность проникновения в глубокие тайны механизма капиталистической экономики позволила Кейнсу понять и раскрыть скрытые причины ее функ-

ционирования и пробуксовки в XX веке. Раскрытием этого механизма и указанием на способы преодоления этой буксовки Кейнс внес выдающийся вклад в экономическую науку, который по праву признан революцией в экономической теории.

* * *

Особое значение при формировании взглядов Кейнса на современный ему капитализм сыграла послереволюционная ситуация в России, чему в западной литературе обычно не придается должного значения. Между тем потрясший весь мир гром с ясного неба, каким явилась русская революция 1917 года, предложившая реальную альтернативу капитализму, не мог не привлечь самого пристального внимания такого проницательного мыслителя, каким был Кейнс.

Конфронтация между капитализмом и социализмом составляла основное содержание XX века, в которой были и горячие войны, а после появления ядерного оружия она велась в форме холодной войны и противостояния двух военно-политических блоков. Кейнсу довелось увидеть первую половину противостояния капитализма и социализма, но этого было достаточно для беспокойства о судьбе тех ценностей, которых он придерживался. Из мыслителей своего ранга Кейнс был единственным, кто три раза (1925, 1928, 1936) посетил Советский Союз и на месте ознакомился с практикой планового ведения хозяйства. В результате трехкратного посещения СССР Кейнс также изучил плоды русской революции и в целом пришел к отрицательному ответу на этот вопрос.

Однако еще до этих поездок в СССР и прямого соприкосновения с реальной ситуацией его отношение к России отличалось от окружавших его политиков и теоретиков ни-

кому из них не свойственной дальновидностью. В упомянутой работе о Версальском мире вместо выдвинутой западными державами политики экономической блокады России Кейнс предложил: а) взаимное погашение долгов воевавших стран друг другу, в том числе России; б) возложить на Германию обязанность по поставке России технических средств в обмен на продовольствие. Повышение производства сельскохозяйственных продуктов в России, полагал Кейнс, поможет не только ей самой, но и предотвратит голод, надвигавшийся на Европу. «Наш собственный интерес требует, — писал он, — чтобы скорее наступил день, когда германские агенты и организаторы смогут в каждой русской деревне привести в движение стимулы к экономической деятельности. Этот процесс, — указывал он, — абсолютно не зависит от формы правления в России; однако мы можем с известной достоверностью предсказать, что независимо от того, явится ли форма коммунизма, воплощаемая советским правительством, на долгое время соответствующим темпераменту русского народа, такие факты, как оживление торговли, удобств жизни и обычных стимулов к экономической деятельности, едва ли будут благоприятствовать крайним выражениям тех доктрин насилия и тирании, которые представляют результат войны и отчаяния».

По истечении стольких лет и полученных уроков истории остается только удивляться дальновидной мудрости того, что предлагал Кейнс. Неприятие подобной политики, объявление России экономической блокады и постоянные требования признания внешних долгов прежнего режима, которые разоренные мировой и Гражданской войнами Советское государство не было в состоянии выплатить, лили воду на мельницу крайних сил в России. Они подтверждали их оценку состояния России как крепости, находящейся во враждебном окружении и не имеющей иной альтерна-

тивы выживания, кроме как закручивания гаек и создания тоталитарного режима как единственно способного про- тивостоять враждебному давлению.

Западная слепота и расовая предубежденность в отношении русских немало способствовали провалу в правящей партии Советского Союза умеренной политики, на- подобие той, которую проводит сегодня китайская ком- партия. Патологическая ненависть Запада к коммунизму не менее, чем наша собственная монархическая тради- ция, способствовала победе сталинской диктатуры в на- шей стране.

С помощью вышесказанного мы хотели на близком нам материале показать высокий потенциал и дальновид- ность кейнсианского мышления. Однако судьба распоря- дилась таким образом, что и ряд других обстоятельств так- же привлекли его внимание к тому, что происходило у нас. Так, Ленин был первым из руководителей европейских стран, кто обратил внимание на упомянутую книгу Кейн- са. Несмотря на предвзятую оценку автором русской рево- люции, Ленин в ряде выступлений, в том числе с трибуны второго съезда конгресса Коминтерна, где присутствовали левые партии основных стран мира, воздал должное объ- ективности данного там анализа корыстного характера ре- шений держав-победительниц о послевоенном устройст- ве Европы. «Никто не описал так хорошо Версальского до- говора, — говорил Ленин с этой трибуны, — как это сделал в своей книжке Кейнс» (Ленин. ПСС, т. 42, с. 67).

Ленин положительно отнесся к предложению Кейнса о необходимости взаимодействия между Россией и Запад- ной Европой по линии обмена сырья и изделий промыш- ленного производства. «Для восстановления мирового хозяйства, — утверждал Ленин, — нужно использовать русское сырье. Без этого использования нельзя обой- тись, это экономически верно. Это признает чистейший

буржуа, изучающий экономику и смотрящий с чисто буржуазной точки зрения, это признает Кейнс, который написал книгу «Экономические последствия мира»» (Ленин. ПСС, т. 42, с. 69). Тогда еще мало кому известный 37-летний Кейнс, надо думать, по достоинству оценил внимание человека, имя которого тогда было у всех на устах в качестве ниспровергателя политической архитектуры Европы и остального мира. Позднее Ленин предложил советским издателям отбирать и публиковать на русском языке некоторые книги. «Как образец, — добавил Ленин, — может служить книга Кейнса «Экономические последствия мира»» (Ленин. ПСС, т. 51, с. 241).

Кейнс, вступив в переписку с Лениным, предлагал ему выступить на страницах редактируемой им газеты «Нация» с изложением своих взглядов. К сожалению, по причине наступившей болезни Ленин этого не смог сделать.

* * *

Дальше же было еще большее. С российской ситуацией в начале 20-х годов Кейнса особенно сблизил его женитьба на русской красавице, балерине из Мариинского театра Лидии Лопуховой. Она выступала в составе знаменитой Дягилевской труппы, революция застала труппу на гастролях в Западной Европе, а начавшаяся вскоре Гражданская война преградила ей путь возврата на родину.

По признанию критиков, Лопухова уступала таким звездам русского балета, как Павлова или Карсавина, но тем не менее ее уровень исполнения оценивался достаточно высоко. Однако в данном случае важнее другое. Она была так хороша собой и заманчиво привлекательна, что полностью покорила Кейнса. В то время ей было 30 лет и она была женой распорядителя Дягилевской труппы, некоего Барокки. Брак и без того не ладился, а появление

около нее Кейнса вовсе положило ему конец. Кейнс тоже немедленно прекратил все свои амурные похождения и все больше сходил с ума по Лидии, или Лоппи, как ласково он стал ее называть. Но истинная любовь никогда не протекает ровно. Окружавшее Кейнса чопорное общество, включая его родных, восстало против его женитьбы на русской эмигрантке. Многие из друзей Кейнса, в особенности из женской части, всячески уговаривали Мейнарда этого не делать. Но Кейнс был неумолим, отказался от запланированной поездки в Индию и решил свой выбор не упускать из рук. Вскоре брак состоялся, и, войдя в круг Кейнса, Лидия сразу очаровала всех, за исключением тех, чьи надежды этим были разбиты. Ближайший друг и последователь Кейнса Рой Харрод вспоминал, как вскоре, оказавшись в компании всеми почитаемой жены А. Маршалла, та сказала: это лучшее, что мог и сделал Мейнард. Родные Кейнса души не чаяли в Лидии, а Джон в течение всей своей жизни чувствовал себя на вершине человеческого счастья.

Как пишет Роберт Скидельски, биограф Кейнса, «если Мейнард был более чем экономист, то Лидия была больше чем балерина. За пределами Блумсбери ее умственная одаренность получила единодушное признание, хотя она у нее скорее была интуитивной, нежели образовательной. Она оценила эстетизм умственного настроения Мейнарда, подтекст его чувств и мыслей и невероятным образом была способна поддерживать с ним диалог даже по вопросам, о которых ничего не знала. Мейнард был очарован своей Волшебной принцессой, а Лидия также все больше и больше влюблялась в своего Принца необыкновенной мысли и духа».

С воцарением Лидии в доме Кейнсов туда потянулись ее русские земляки. Они были людьми искусства, а потому о России говорили в аспекте скорее культурном, нежели политическом, но все равно российская тематика ста-

ла здесь достаточно обсуждаемой. В 1925 году в составе делегации Кембриджского университета Кейнс побывал в СССР на праздновании 200-летия Академии наук в Ленинграде и Москве. Здесь он познакомился с советской жизнью. Он встречался со многими учеными и политиками и выступал в Госплане с докладом об экономическом положении Великобритании. По итогам своей первой поездки в СССР Кейнс написал «Краткий взгляд на Россию» (A Short View of Russia), где отрицательно оценил революционный метод решения экономических и социальных проблем. Впоследствии еще два раза (1928 и 1936) Кейнс побывал в СССР и внимательно присматривался к тому, что здесь происходит.

В те годы Москва была Меккой не только для левой, но и для значительной части либеральной интеллигенции. Супруги Вебб, леди Астор, Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Бертран Рассел и многие другие интеллектуальные звезды Англии приезжали сюда и имели множество встреч и бесед с различными представителями советского общества вплоть до Сталина. Изучая советское общество, они искали ответ на вопрос: не является ли советский социализм с его экономическим планированием, социальным и культурным прогрессом новой цивилизацией, к которой движется мир? В результате трехкратного посещения СССР, как отмечалось, Кейнс также изучал плоды русской революции и, как отмечалось, в целом дал ей отрицательную оценку.

Не было того, чтобы Кейнс отрицал позитивное значение таких сторон советской жизни, как практика планирования экономики, наличие социальных гарантий гражданам, подчиненность инвестиций задаче обеспечения полной занятости и т. д. Наоборот, они вызывали у него живой интерес. Тем не менее в целом у него складывалось негативное отношение к советскому методу решения проблем ввиду высокой стоимости достигаемого прогресса. Преж-

де всего, его шокировал уровень жизни населения. На этот счет у него были угнетающие впечатления вначале от рассказов жены, посетившей в 1932 году своих родственников в Ленинграде, а затем от собственной поездки к ним в 1936 году. Брат и сестра Лидии жили в большой нужде и тесноте в коммунальной квартире, несмотря на их высокое положение в Мариинском театре, который в глазах Кейнса был бесценным храмом русского искусства.

Под воздействием своих ранних впечатлений, рассказов своей жены и приходивших к ним русских гостей и наверняка полагаясь на свой поднятый Лениным авторитет в глазах советских властей, Кейнс в 1934 году решил послать в газету «За индустриализацию» статью с анализом второго пятилетнего плана (1932–1937). Показав определенное знание советской ситуации, он в то же время позволил себе указать на его слабость. «Совершенно верно, — писал Кейнс, — что росту промышленного производства сильно способствуют большие жертвы, приносимые для увеличения промышленного производства, без ясного отчета в том, выгоден ли он, строго говоря, нынешнему поколению рабочих».

Похоже, что это осторожное замечание о чрезмерно высокой стоимости индустриального прогресса не встретило понимания. Ленина уже не было в живых, а находившаяся у власти сталинская камарилья, несмотря на возросшую к тому времени широкоую известность Кейнса, едва ли читала и знала, кто он такой. Однако непонимание характерно не только для одной, но и для другой стороны. Со стороны Кейнса мы также видим взгляд на революцию, равно как на все, что делалось после нее, как на что-то дурное, никак не обоснованное историческими и социально-экономическими причинами. Сказалось его высокомерие по отношению к народным низам и тому, что они делают. После первого посещения России в 1925 году он писал:

«Мне, выросшему в свободном воздухе, незамутненному ужасами религии, свободному от каких бы то ни было страхов, слишком многое в красной России представляется отвратительным». Ничего удивительного. С высоты благополучия английского аристократа, не соприкасавшегося со страданиями народных низов, их тяжкая борьба за создание альтернативного капитализму общества в России казалась Кейнсу настоящим сумасшествием. Проницательный в одном, он был слеп в том, что выходило за пределы его привычных представлений. Поэтому советский эксперимент по созданию альтернативы капитализму казался ему лишенный смысла. Пока не попадешь в Россию, писал он о ее людях, нельзя понять, «насколько они безумны и что о своем эксперименте они заботятся больше, чем о том, чтобы делалось дело».

Нарочитое сведение неоднозначности опыта русской революции к некоему безумию говорит не только о большой удаленности Кейнса от понимания положения русских рабочих и крестьян, но и о глубокой противоречивости суждений Кейнса. От него можно не требовать понимания положения русских рабочих и крестьян, которым судьба не оставила иного выбора, кроме антикапиталистического пути развития, но можно требовать логики в его суждениях. Если этот путь был усеян одними устрашающими примерами бессмысленных экспериментов, то как в среде Кейнса могла возникнуть упомянутая выше дискуссия на тему о том, не является ли советская система с плановым ведением хозяйства новой цивилизацией, идущей на смену западной? Кейнс отвечал на этот вопрос отрицательно, но многие другие — отнюдь не дураки — задумывались над этим вполне серьезно, его обсуждали. Почему? Кроме того, Кейнс сам неустанно настаивал на том, что нашей Меккой должен быть Вашингтон, а не Москва. Если бы Москва творила одни глупости, то она никак